

Петр I – великий благодетель или «величайшее несчастье России»?

«По странному свойству человеческой психологии – великие памятники воздвигаются именно великим поджигателям мира. Алексею Михайловичу, ... при котором Россия вылезла из дыры, не поставлено ни одного памятника... Россия больше всего памятников воздвигла именно Петру. И бронзовых и, тем более, литературных.»

Иван Лукьянович Солоневич «Народная монархия»

Pro et Contra

Петр I является одним из самых известных царей и одной из самых узнаваемых исторических личностей в массовом сознании нашего народа. Но кто же Петр Великий для нашей страны: великий благодетель или великий злодей?

Вот перед нами характерные образцы славословий известных «панегиристов» Петра.

В.Г. Белинский:

«Россия тьмой была покрыта много лет.

Бог рек: да будет Пётр – и был в России свет». [39]

«Для меня Петр — моя философия, моя религия, мое откровение во всем, что касается России. Это пример для великих и малых, которые хотят что-либо сделать, быть чем-то полезным». [39]

Пётр Крекшин, один из первых биографов и историков Петра: «Отче наш, Пётр Великий! Ты нас от небытия в бытие произвел». [37]

М.В. Ломоносов: «Он Бог твой, Бог твой был, Россия!» [38]

А.И. Герцен: «Пётр ... научил нас шагать семимильными шагами, шагать из первого месяца беременности в девятый». [17]

Н.М. Карамзин «Великий муж созрел уже в юноше и мощною рукою схватил кормило государства». [36]

Но вот Лев Толстой (уже в зрелые годы): «Беснующийся, пьяный, сгнивший от сифилиса зверь четверть столетия губит людей, казнит, жжёт, закапывает живьем в землю, заточает жену, распутничает, мужеложествует... Сам, забавляясь, рубит головы, кощунствует, ездит с подобием креста из чубуков в виде детородных органов и подобием Евангелий – ящиком с водкой... Коронуется б... свою и своего любовника, разоряет Россию и казнит сына... И не только не поминают его злодейств, но до сих пор не перестают восхваления доблестей этого чудовища, и нет конца всякого рода памятников ему» (Из заметки о Петре I в черновиках к рассказу «Николай Палкин» (1891)).

Или Борис Пильняк в рассказе «Его величество Кнез Пётр Командор», впервые опубликованный в сборнике «Быльё» (1920): «Человек со способностями гениальными. Человек ненормальный, всегда пьяный, сифилитик, неврастеник, страдавший психастеническими припадками тоски и буйства, своими руками задушивший сына. Монарх, никогда, ни в чем не умеющий сокращать себя – не понимавший, что должно владеть собой, деспот. Человек, абсолютно не имевший чувства ответственности, презиравший всё, до конца жизни не понявший ни исторической логики, ни физиологии народной жизни. Маньяк. Трус. Испуганный детством, возненавидел старину, принял слепо новое, жил с иностранцами, съехавшимися на легкую поживу ... обычаи голландского матроса почитал идеалом. Человек, до конца дней оставшийся ребенком ... и игравший всю жизнь: в войну, в корабли, в парады, в соборы, иллюминации, в Европу».

Как видим, мнения полярны, однако разобраться в этом необходимо, поскольку «деяния Петровы» отформатировали судьбу России не только в

прошлые для нас века, но оказывают незримое влияние и на нашу сегодняшнюю жизнь.

Попробуем коснуться этого вопроса на основе исследования К.Ю. Резникова «Мифы и факты русской истории от лихолетья смуты до империи Петра» [1], а также ряда иных доступных источников.

О допетровской России существуют полярные исторические мифы, прямо связанные с отношением к реформам Петра I. Согласно одной группе мифов («западническая» (пропетровская) позиция), Московское государство до прихода Петра представляло застойное болото, с каждым годом все более отстающее от быстро развивающейся Европы. Страна неизбежно разделила бы судьбу Индии и других восточных колоний, если бы не явился молодой Пётр и железной рукой не вытащил свое царство из азиатчины, прорубил окно в Европу и преобразовал Московское царство в мощную Российскую империю. Сам процесс вытаскивания России из болота потребовал некоторых издержек (за счёт народа), но издержек оправданных, поскольку они спасли государство и открыли путь к величию России.

Противоположные мифы («почвенническая» (антипетровская) позиция) исходят из идеализации допетровской Руси, где самодержавный царь, православная церковь и народ существовали в симфонии, основанной на соборности – единстве общества в деле совместного понимания правды и совместного отыскания пути к спасению. Православное русское царство не было застойным болотом и не отгораживалось от мира: напротив, Романовы заимствовали лучшее из Европы, в частности, Алексей Михайлович провел военные реформы, преобразовавшие русскую армию на европейский манер. Но заимствования не ломали русскую культуру и не вносили отчуждённость в общество. Русские цари стремились сберечь народ и советовались с ним

с помощью Земских соборов. Перед пришествием Петра Россия расцветала, разумно принимая ценное чужое и сохраняя русскую сущность. Приход Петра грубо сломал естественный ход развития России, принес невероятные страдания народу и расколол общество, что в конечном итоге привело к большевистской революции.

О старой, допетровской России до сих пор ведется спор: нуждалась ли она в реформах Петра I, сломавших прежний ход жизни? Была ли Россия конца XVII в. настолько безнадежно отсталой, что спасти её могла лишь жесточайшая встряска, «поглотившая пятую часть населения» (согласно популярному клише) и культурно расколовшая русский народ? Большинство отечественных историков, писателей и государственных деятелей положительно относились к Петровским реформам. Делами Петра I восхищались все русские государи, М.В. Ломоносов, ранний А.С. Пушкин, известные историки – СМ. Соловьёв, К.Д. Кавелин, С.Ф. Платонов.

Однако не все русские историки и писатели были согласны с хвалебной оценкой Петра I. Не все считали допетровскую Россию страной безнадежной, выведенной на имперскую орбиту только нечеловеческими усилиями Петра.

Н.М. Карамзин, оценивавший в первую очередь моральную сторону событий, писал: «Пётр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств... Сей дух и вера спасли Россию во времена самозванцев; он есть не что иное, как привязанность к нашему особенному, не что иное, как уважение к своему народному достоинству. Искореня древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце». Ведь «русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ». [36]

Ф.М. Достоевский писал: «Допетровская Россия была деятельна и крепка, хотя и медленно слагалась политически; она выработала себе единство и готовилась закрепить свои окраины; про себя же понимала, что несёт внутри себя драгоценность, которой нет нигде больше – православие, что она – хранительница Христовой истины, но уже истинной истины, настоящего Христова образа, затемнившегося во всех других верах и во всех других народах». [35]

Пожалуй, никто столь страстно не восхвалял допетровскую Россию как живший в Аргентине бежавший из советского лагеря И.Л. Солоневич. В своей книге «Народная монархия» (1952) [19] он утверждает, что подобной системы не существовало нигде в мире – «даже в лучшие времена Рима и Великобритании», ибо эти империи властвовали над побежденными по принципу «разделяй и властвуй», тогда как «Москва властвовала, не разъединяя, а соединяя». Русский народ построил государство, удовлетворявшее большинство его жителей:

«Самоуправления, равного московскому, не имела тогда ни одна страна в мире, ибо повсюду, до середины или даже до конца XIX века все европейское самоуправление носило чисто сословный характер. Мы должны констатировать, что реформы Александра II были только очень бледной тенью старинного земского самоуправления Москвы. Или, иначе, начиная с конца XVII века до середины двадцатого, государственный строй России развивался, – почти непрерывно в сторону ухудшения».

Солоневич считает, что по государственной организации Великое княжество Московское, затем Московское царство всегда превосходили соседей – иначе Россия не выдержала бы конкурентной борьбы.

«Все наши неудачи и провалы наступали именно тогда, когда нашу организационную систему мы подменяли чьей-либо иной». Точкой, в которой концентрировались все достоинства государственной системы, была русская монархия. Московская Русь представляется Солоневичу

недостижимым идеалом: «Я никак не хочу идеализировать. Я говорю только о государственном строе, и я утверждаю, что он был самым "гармоничным" не только в Европе тогдашней, но был бы самым "гармоничным" и для Европы сегодняшней».

По словам Солоневича, родом крестьянина, через пятьдесят лет после Смутного времени русский крестьянин достигает «уровня материального благополучия, которого он с тех пор не имел никогда». Этот мужик судится судом присяжных и имеет гарантированную законом неприкосновенность личности. Все это было возможно благодаря самодержавию, которое автор называет «народной монархией».

Правление Петра I Солоневич считает величайшим несчастьем для России. В отличие от многих критиков преобразователя России он не склонен считать, что пьянство, богохульство и страшная жестокость Петра есть лишь следствие его больной психики. По мнению Солоневича, всему этому юный царь набрался у иноземцев – сначала на Кукуе [в Немецкой слободе], куда съехались подонки со всей Европы, а потом и в самой Европе – несравненно более жестокой и грязной (немытой) в те времена, чем Россия. Зато воспеваемые «панегиристами» главные заслуги Петра – его административные преобразования, создание новой армии, полководческие таланты, создание флота, – вызывают у Солоневича большие сомнения. Автор считает его никуда не годным администратором и полководцем, начисто лишённым дара предвидения: после его смерти флот сгнил, а на престол дворяне возвели «вчерашнюю уличную девку», неспособную править страной. Власть перешла в безответственные и хищнические руки временщиков.

Ниже сжато представлена характеристика некоторых характерных показателей и (проблем) романовско-допетровского и петровского периодов истории России.

Московское государство при первых Романовых и при Петре I

Царствование Романовых до Петра I не относят к числу переломных в российской истории. Проскочив Смуту, Россия продолжала развиваться в том же направлении, что при царе Фёдоре Иоанновиче и сменившем его Годунове. Такие «накопительные» периоды в жизни страны не остаются в народной памяти, о них не слагают песен. Между тем именно во времена затишья народу удается обустроиться, восстановить потери, подрасти численно, иными словами, подготовиться к тому, чтобы не пропасть при следующем судьбоносном повороте, когда меняется лицо страны, а вожди переворота становятся героями национальной мифологии. При этом из 76 лет со времени избрания Михаила Романова (1613) до прихода Петра I (1689) Россия 32 года вела крупные войны (с поляками, шведами, крымским ханом, турками), а «мирные» годы пришлись на восстания и присоединение Сибири.

В результате освоения Сибири, победы над поляками и строительства засечных черт на юге (для защиты от набегов крымского хана и получения чернозёмной пашни) Россия Романовых за XVII в. увеличила свою территорию почти в два раза – с 8 580 000 кв. км в 1613 г. (год избрания Михаила Романова) до 14 520 000 кв. км в 1676 г. (год смерти Алексея Михайловича). Столь большого приращения территории Россия не имела ни в одном столетии. Самое главное, это приращение оказалось прочным – из занятых земель от России ушла лишь Восточная Украина; все остальные территории являются сейчас владением Российской Федерации.

Восстановилась численность населения, подорванная голодом, чумой и бедами Смутного времени (по данным [10], [26], [11] население страны составляло: в 1550-е годы 9-10 млн. человек; в 1620 г. ~3,5 млн.;

в 1646 г. ~7 млн.; в 1678г. (в границах 1646г.) 9,6 млн., а с присоединенными землями 11,2 млн. человек).

Уровень грамотности различных слоёв населения никак нельзя назвать низким: не считая высшего слоя общества полностью грамотными были священники и приказные, купцов грамотных было 96%, помещиков – 65%, посадских – 40%, крестьян – 15%, стрельцов, пушкарей, казаков – 1%. [18]

Быстрыми темпами росло производство хлеба (в основном за счет посевов на новых чернозёмных площадях), а также промышленных товаров. Например, в 1632г. голландцы основали под Тулой и в Протвино железоплавильные заводы. Всего в XVII в. были построены 22 железоплавильные мануфактуры. К 1660г. в России было уже 7 пушечных заводов, выпускавших сотни пушек в год, в том числе для продажи за границу: в 1646 г. было вывезено в Голландию 600, а в 1647г. – 340 пушек [29]. Для производства мушкетов была построена мануфактура под Москвой: за 1647-1653гг. там было изготовлено более 40 тыс. мушкетов, хотя их все равно не хватало и приходилось закупать их за границей. Были мануфактуры по чеканке денег, производства тканей, канатов, стекла. Большинство мануфактур принадлежали царскому дворцовому хозяйству (монетный двор, пушечный двор) либо иностранцам.

Роль европейцев в жизни страны, их количество в стране резко возрастали. Особенно велика была роль иностранцев в военном деле.

Под руководством иностранных специалистов было начато формирование пеших и конных полков «нового строя» и к концу царствования Алексея Михайловича в этих полках состояло уже 67% всего войска [23]. Новая армия прошла успешную проверку в войнах и с поляками, и со шведами, и крымским ханом. При этом современное войско стоило дорого и ещё до прихода к власти Петра I правительство перешло к увеличению налогов на содержание армии. В 1676г. была начата новая

всеобщая подворовая перепись земель, и в 1679г. крестьянам вдвое увеличили сбор со двора «стрелецкого хлеба» (с 0,7 до 1,4 пуда), а в 1688-1696гг. поместные крестьяне сдавали со двора уже 5 пудов «стрелецкого хлеба» [12].

Мореплавание в России XVII в. наиболее было развито на севере у поморов. Поморы строили два типа судов – ладьи и кочи. Ладьи предназначались для плавания в умеренных широтах и могли перевозить до 200 тонн груза. В XV – первой половине XVI веках поморы плавали по торговым делам вокруг Норвежского побережья в Нидерос (Тронхейм). Они доставляли туда и послов Ивана III и Василия III, направлявшихся далее сушей в Данию и другие страны Европы. Со второй половины XVI в. свободная торговля поморов с норвежцами была запрещена (постарались власти с обеих сторон), но продолжали развиваться морской промысел и освоение полярных морей. Для плавания во льдах использовали кочи. Эти небольшие двухмачтовые суда с двойной обшивкой, по форме напоминающие половинку ореха, имели уникальное свойство – льдины их не давили, а выталкивали на поверхность. На кочах ходили на остров Грумант (Шпицберген), в Карское море, осваивали моря Сибири. На кочах Семён Дежнёв и Федот Попов прошли проливом между Чукоткой и Аляской, впоследствии названным Беринговым проливом.

Московские власти всячески сдерживали инициативу поморов. Указами Михаила Фёдоровича а затем и Алексея Михайловича 1616, 1620 и 1667 гг. были запрещены морские походы из Белого моря в Мангазею (первый русский заполярный город XVII в. в Западной Сибири, центр интенсивной пушной торговли) [5] из опасения, что вслед за поморами в Сибирь могут проникнуть англичане или голландцы и установить там свой протекторат. Аналогично действовал и Пётр I: желая привлечь европейские суда в Петербург он просто запретил морскую торговлю через Архангельск. А поскольку царю не понравились «неевропейские»

пропорции поморских кочей (их «скорлупообразность», гарантировавшая выживаемость корабля при вмерзании в лёд, была причиной проигрыша в скорости относительно «европейских» судов), то в 1715г. Пётр просто запретил их строительство.

По Волге и Каспию в допетровские времена плавали торговые суда, бусы, которые «строились из брусьев с перерубами, как избы», имели грузоподъёмность до 100 тонн и ходили под парусом при попутном ветре [1]. Постройку этих дешёвых, пусть и неуклюжих, кораблей Пётр тоже запретил всё с той же «благой» целью европеизации кораблестроения.

И, наконец, самое трагичное событие, произошедшее в царствование Алексея Михайловича, это начало церковного раскола – явления, оказавшего громадное, а по мнению некоторых мыслителей (например, А.И. Солженицына) даже определяющее влияние на всю дальнейшую историю России.

При Петре к России перешли Камчатка, Среднее и Верхнее Прииртышье и завоеванные у Швеции Лифляндия, Эстляндия и Ингерманландия (всего около 0,8 млн. кв. км). Россия получила на Балтийском море первоклассные порты для торговли с Европой. Итогом внешней политики Петра было исчезновение европейской сверхдержавы Швеции и появление евразийской сверхдержавы России. (Итогом внешней политики Алексея Михайловича было исчезновение европейской сверхдержавы Речи Посполитой.)

Число мануфактур с начала XVIII в. увеличилось в пять раз, и к 1725г. превысило 205. Особенно быстро развивалась металлургия, центр которой переместился на Урал. За период с 1700 по 1725г. выплавка чугуна в стране увеличилась со 150 до 800 тыс. пудов в год, и Россия вышла по этому показателю на третье место в мире после Англии и Швеции. Проблема производства пушек была полностью решена с запуском Каменского завода на Урале (1701—1703), а открытие

оружейного завода в Туле (1712) положило конец ввозу в страну ружей из Европы. К концу петровского правления экспорт русских товаров вдвое превышал импорт, причем благодаря развитию мануфактур 72% экспорта составляли готовые продукты [5].

Армия Петра I, перешедшая на европейский строй при Алексее Михайловиче, для набора солдат использовала прежнюю систему датчины, переименованную в рекрутский набор. При этом, в отличие от практики Алексея Михайловича, по окончании острой фазы войны (победа под Полтавой) полки были не распущены и содержание этой постоянной армии стало страшным бременем для народа.

Пётр I создал Балтийский военный флот. К концу его царствования, т.е. к 1725 г., Балтийский флот имел 32 линейных корабля, 16 фрегатов и более 400 других судов, преимущественно галер. Флот внёс большой вклад в победу над шведами в Северной войне. Однако поскольку суда строили в спешке, используя сырой, невыдержанный и рубленый не вовремя лес, то к концу царствования Петра практически весь этот флот попросту сгнил [3]. Неистовые усилия Петра и огромное напряжение народа ушли в никуда. Настоящий океанский русский флот появился в России только в конце XVIII в.

Управление в московском государстве

Институт земских соборов в Московском государстве ввёл Иван IV (Грозный). Первый собор состоялся в 1549г. Соборы возникли не из вечевых собраний Древней Руси, а как инструмент поддержки царской власти: через них царь обращался за советом и одобрением своей политики к обществу. Земские соборы состояли из Боярской думы, собрания высшего духовенства («освященного собора») и земских представителей от служилых и посадских людей. Крестьян на собор пригласили лишь однажды – в 1613г., на выборы царя. С конца XVI в. земские соборы

приобрели важную функцию выбора нового государя, но подлинной силы они достигли с избранием Михаила Романова, когда в течение 10 лет (до 1622г.) их собирали каждый год. Соборы обсуждали и решали все важные вопросы внешней и внутренней политики страны. Земские соборы имели внешнее сходство с сословно-представительными собраниями европейских стран – английским парламентом, испанскими кортесами, германскими ландтагами, генеральными штатами Франции и Нидерландов, сеймами Польши и Чехии. Отличались они нерегулярностью созыва и отсутствием открытой борьбы между сословиями и сословий с правительством.

С возведением в патриархи Филарета (отца Михаила Федоровича, первого царя династии Романовых), сосредоточившего в своих руках духовную и светскую власть, соборы не собирали до 1632г., когда потребовались деньги на войну с Польшей. В 1630-е гг. было несколько соборов о сборе денег, избрании на царство Алексея Михайловича, принятии новый свод законов («Уложения») и о присоединении Украины (последний Земский собор полного состава). Алексей Михайлович в течение 23 лет соборов не собирал. В 1676г. он умер, и Фёдор Алексеевич был венчан на царство без избрания на Земском соборе. В 1681-1682гг. Фёдор Алексеевич собирал неполные соборы о ратных делах и об отмене местничества. В 1682г., после его смерти, Земский собор избрал на царство Петра Алексеевича; в том же году другой собор избрал на царство Иоанна и Петра Алексеевичей, а верховной правительницей царевну Софью. В 1683—1684гг. состоялся собор о «вечном мире» с Польшей. Последние соборы созывались в урезанном составе, являясь чем-то вроде совещаний правительства с представителями отдельных сословий. Они утратили значение ещё до прихода Петра I к власти (1689г.). Последний Земский собор неполного состава был созван в 1689г. для суда над царевной Софьей.

«Тесным собором» в 1649г. было принято «Соборное уложение» – свод законов Московского царства, которым пользовались почти 200 лет, вплоть до 1839г. При сравнении с Западной Европой видно, что Соборное уложение не первый сборник актов подобного рода. Одним из первых был Судебник великого князя литовского Казимира 1468 года (развившийся в 1529 году в Статут Великого княжества Литовского), затем кодекс в Дании (1683); Сардинии (1723), Баварии (1756), Пруссии (1794), французский кодекс Наполеона (1804). Стоит отметить что, например, прусский кодекс 1794 года содержал 19187 статей, что делало его практически нечитаемым, кодекс Наполеона разрабатывался 4 года, содержал 2281 статью, и потребовалось личное активное участие императора чтобы продавить его принятие. Соборное уложение было разработано в течение полугода и насчитывало 968 статей. [42]

Общественные чины и состояния (не считая духовенства) были сведены в четыре сословия: 1) люди служилые, 2) тяглые посадские, 3) тяглые сельские и 4) холопы. По отношению к государству сословия различались родом повинностей; переход из одного сословия в другое становился невозможным, или был крайне затруднен. Как пишет Ключевский: «...общественный состав упрощался и твердел: служба и тягло по колеблющемуся имущественному положению или по изменчивому занятию превращались в неподвижные повинности по рождению... Эти замкнутые... классы впервые в истории нашего общественного строения получили характер сословий» [9].

Уложение ограничило роль духовенства в хозяйственной жизни. Церкви стало запрещено покупать земли и получать их в дар на помин души. По гражданским делам духовенство подчинили Монастырскому приказу, в котором судом ведали светские лица. Церковь лишили права иметь «белые посады», где ремесленничали и торговали люди, заложившие себя монастырям: их включили в число посадских людей.

Только посадские могли заниматься промыслами и держать лавки в посаде (крестьянам позволили торговать с воза), но каждый был прикреплен к своему посаду. Всех служивых людей обязали нести ратную службу, ставшую наследственной безысходной «сословной повинностью». Зато теперь только служивые люди могли владеть вотчинами (вотчина - родовое условное землевладение, передаваемое по наследству) и поместьями (поместья давались за службу и только на период службы, т.е. «на прокорм»), размер поместья определялся служебным положением служивого лица; передать по наследству поместье было нельзя). Уложение окончательно прикрепило крестьян к земле, т.е. сделало их пожизненно крепостными. По настоянию дворян были отменены сыскные годы, по истечении которых беглого крестьянина государство переставало искать - сыск беглых крестьян стал безсрочным.

Фёдор Алексеевич установил увеличенные нормы сборов с церковных имений, чем начал процесс секуляризации (изъятие церковной собственности в пользу государства) церковного имущества, достигший полной силы при Петре I.

В 1682г. Фёдор Алексеевич отменил местничество - систему распределения служебных мест на военную, административную и придворную службу с учетом происхождения (знатности рода) и служебного положения предков человека, как источник постоянных тяжб между боярами, тягостно сказывающихся во время военных действий. По указанию царя разрядные местнические книги были сожжены. Для кодификации дворянских родословных Фёдор Алексеевич учредил Палату родословных дел. Отмена местничества стерла грань между боярами и дворянством, ставшими единым сословием.

Иван IV (Грозному) наряду с Земскими соборами ввел и систему местного самоуправления. Наместники из Москвы на местах были заменены земскими старостами и земскими судьями, которым поручалось

местное управление и суд по гражданским и мелким уголовным делам. Земские старосты и судьи избирались из зажиточных людей посада и крестьян сроком на 1-2 года. В уездах, где не было свободных крестьян, управлением ведали губные старосты. Система местного самоуправления, созданная Грозным, выродилась при Романовых, превратившись в послушное орудие для выполнения распоряжений воевод. Сами воеводы стали управителями мирного населения в результате событий Смутного времени. До Смуты воинские чины управляли лишь в пограничных городах. При Михаиле Романове в 1625г. воеводы уже управляли в 146 городах и уездах. Воеводы подчинялись Боярской думе и приказу, который ведал данной территорией. Обычно их назначали на два-три года.

Органами центрального управления в допетровской России были приказы. Приказы различались по полномочиям. Одни ведали вверенными им делами на всей территории Московского государства, другие занимались управлением областей, третьи управляли дворцовым хозяйством, четвертые имели узкую специализацию, например приказы Аптекарский и Книгопечатный. К приказам общего назначения относились Посольский, Разрядный, Ямской и Поместный, а также приказы, ведающие финансами и торговлей – Большого прихода, Большой казны, Новая четверть (ведал доходами питейных домов), Купецких дел. К приказам, управляющим областями, относились Владимирский, Галицкий, Устюжский, Новгородский, Казанский, Сибирский; к числу воинских приказов – Стрелецкий, Пушкарский, Рейтарский, Оружейный, Иноземский. Всего приказов было более 40. Каждый приказ ведал по своей части и судебным делом. Но были два судебных приказа по общим гражданским делам и два приказа по уголовным делам – Разбойный и Земский.

Историки отзываются о московских приказах как о случайном нагромождении крупных и мелких учреждений, контор и временных

комиссий. Правительство понимало неудобство такой бессистемной структуры и пыталось «стянуть слишком раздробленное центральное управление». Для этого подчиняли несколько приказов одному начальнику или сливали мелкие приказы в более крупные. «Путем этого сосредоточения, - пишет Ключевский, - из множества мелких учреждений складывалось несколько крупных ведомств, которые служили предшественниками коллегий Петра Великого».

Централизация проявлялась и в укрупнении административного деления Московского государства. Для удобства управления вся страна делилась на земли, земли делились на уезды, а уезды - на волости. Во время войн с Польшей и Швецией пограничные уезды объединили в крупные военные округа, известные как разряды. В разрядах уездные воеводы подчинялись окружному воеводе. В царствование Михаила Фёдоровича упоминаются разряды Рязанский и Украинный или Тульский. При Алексее Михайловиче появилось ещё восемь разрядов. Фёдор Алексеевич объединил и внутренние уезды, образовав разряды Московский и Владимирский. Разряды послужили прообразом губерний, введенных Петром I в 1708г.

Реформы управления Петра I

Большую часть царствования Пётр искал новые формы государственного управления, причём без особого плана и не слишком успешно: тут и «Ближняя канцелярия», и «Консилия министров», и Бурмистерские палаты, и Ратуши, и ландраты, и «Правительствующий Сенат», и институт фискалов, доносивших о взяточничестве и казнокрадстве. В последние 10 лет царствования в управленческих реформах Петра появилась система. Петру всё больше нравились идеи европейского абсолютизма о «регулярном полицейском государстве», представлявшемся Петру в виде корабля, где царь – капитан, а

подданные – от офицеров до юнги, каждый на своем месте и действуют согласно Морскому уставу. Не без влияния немецких философов Готфрида Лейбница и Христиана Вольфа (Пётр I высоко их ценил: Лейбниц получил от него титул тайного советника юстиции и пенсию; Вольфа он приглашал стать вице-президентом Петербургской академии наук.) Пётр отказался от экспериментов и решил использовать опыт других стран, чтобы превратить Россию в государство «всеобщего блага». Для достижения блага следовало регламентировать все стороны жизни подданных, для чего требовалась новая администрация. В качестве образца Пётр выбрал административную систему Швеции и учредил коллегии: Военской коллегииум, Адмиралтейской коллегииум, Чужестранных дел, Камор (ведала доходами казны), Штатс-контор (государственные расходы), Ревизион (финансового контроля), Юстиц, Коммерц, Берг и Мануфактур (горнозаводская и фабричная промышленность). Коллегии подчинялись Сенату. Новая центральная административная система отличалась простотой и чётким разделением компетенций между ведомствами. Она оказалась долговечной: в 1802г. коллегии были преобразованы в министерства, сохранившиеся до наших дней.

Итогом административной деятельности Петра явился закон о порядке несения государственной службы – «Табель о рангах» (1722), составленный по образцу датского «Расписания рангам». «Табель о рангах» делила военную, гражданскую и придворную службу на 14 чиновничьих классов (рангов). Занятие 6 низших рангов давало право на личное дворянство, начиная же с 8-го ранга гражданской службы и 13-го военной – потомственное дворянство. «Табель о рангах» давала возможность сделать карьеру способным людям из низших сословий. В несколько измененном виде «Табель о рангах» сохраняла свою силу до 1917г.

Таким образом в допетровской России Романовых изменились структура общества и организация управления государством. К числу основных перемен следует отнести: укрепление самодержавия; падение значения выборных органов и самоуправления; формирование сословий; полное закрепощение поместных крестьян; отмену местничества; централизацию приказов. Реформы Петра I, при всем его увлечении иноземщиной, хаотичных экспериментах и копировании шведских образцов, следовали тенденциям развития сословий и управления в Московском государстве XVII в.: укреплению самодержавия, упрощению сословий, приоритету службы над происхождением (истоки в отмене Фёдором Алексеевичем местничества), централизации органов управления и укрупнению территориального деления страны. Некоторые реформы Петра во второй половине царствования сохранили значение вплоть до падения династии Романовых. Говоря упрощенно, и при первых Романовых и при Петре происходил ускоренный рост властвования (системного насилия) сильных и богатых над слабыми и бедными.

Положение народа при первых Романовых

Говоря о закрепощении крестьян в XVII в., следует обязательно добавлять слово «полное» или «окончательное». Необходимо помнить, что крестьянам запретили выход от помещиков в Юрьев день ещё в конце XVI в., при добром царе Фёдоре Иоанновиче, «по наговору Бориса Годунова» [34]. Крестьяне ответили на запрет выхода поговоркой: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день» и массовыми побегами. В 1597г. были установлены «урочные лета» в 5 лет – срок сыска беглых крестьян; в 1607г., при Василии Шуйском, срок сыска беглых продлили до 10 лет. После избрания на престол Михаила Романова положение крепостных крестьян формально вернулось к временам до начала Смуты, т.е. крестьяне

не имели права выхода от землевладельца, а «урочные лета» вновь определили в 5 лет.

Однако уже принятом «Соборном уложении» (1649) под давлением дворян-землевладельцев были отменены «урочные годы», а крестьяне «с племенем вместе» объявлялись навечно крепки их владельцам. Теперь всякий уход с земли считался побегом, а за укрывательство беглых полагался штраф –10 рублей за год. Помещик сам определял объем крестьянских повинностей, и он же судил крестьянина. И все же крепостные крестьяне сохранили некоторые права: крестьян нельзя было убивать и лишать собственности, они могли жаловаться в суд на господские поборы «через силу и грабежом», могли выступать свидетелями и принимать участие в обыске. Крестьяне несли двойные поборы – барщину или оброк в пользу землевладельца и тягло (подать) в пользу государства. Как тягловые люди, они принадлежали государству. Помещик не мог свести их с земли и лишить государство тягла. В Уложении запрещается как освобождение крестьян, так и превращение их в дворовых людей - в холопов.

«Крепостники» Романовы вовсе не стремились отдать крестьян помещикам, но зависимость от служилых людей заставляла царей шаг за шагом уступать их требованиям.

Первые Романовы несут ответственность перед историей (перед народом) не столько в закреплении поместных крестьян, уже закреплённых, сколько в раздаче помещикам сотен тысяч дворцовых и даже черносотных крестьян. Дворцовые крестьяне принадлежали лично царю и царской фамилии. Жили они на дворцовых землях и поставляли продукты и изделия промыслов к царскому двору. Черносотные (или государевы) крестьяне принадлежали государству и несли тягло в его пользу.

Практика вознаграждения дворян дворцовыми и, реже, чёрными землями встречалась и в XVI в., но поистине больших масштабов она достигла в царствование Михаила Романова. Особенно массовыми раздачи были до возвращения из плена отца царя Филарета (1619). Земли получали близкие к царю бояре и служилые люди из захваченных поляками областей. В раздачу пошли дворцовые и чёрные земли Замосковского края и земель к югу от Оки. О дальнейших раздачах сведения более точные. За 31 год царствования Алексея Михайловича (1645—1676) было роздано 13960 крестьянских дворов. При царе Фёдоре Алексеевиче (1676—1682) - 6274 двора. За восемь лет регентства Софьи Алексеевны (1682—1689) - 17168 дворов! В годы правления Натальи Кирилловны и юного Петра (1690—1699) были розданы 7337 дворов дворцовых крестьян (из них 6000 родственникам царицы) [15].

Нормы барщины (часть времени труда крестьянина, при котором он трудился на барина по отношению к общему времени его труда) при первых Романовых были в три раза ниже, чем в крепостной России XIX в. [13]. По оценке Нефёдова монастырские крестьяне имели по 2—5 лошадей и 3—5 коров; помещичьи – по 2—3 лошади и 2—3 коровы; у крестьян, недавно бежавших на Юг, на дворе стояло по 3 лошади и по 2 коровы.

Положение народа при Петре I

Общеизвестно, что русский народ заплатил дорогую цену за реформы Петра, прорубку «окна в Европу» и строительство Петербурга. Расхождения касаются оценки урона. Свои грандиозные планы Пётр осуществил за счёт ресурсов небогатого и слабо населенного Московского государства. В России тогда жило от около 14 млн. человек. По численности населения страна соответствовала Италии (13,6 млн.), далеко уступая Османской империи (35 млн.) и Франции (22,6 млн.). По годовому

доходу Россия была в 2,5 раза беднее Швеции (при 3 млн. населения) и в 15 раз беднее Франции [4].

На свои проекты, прежде всего, военные, (а доля военных расходов бюджета в отдельные годы царствования Петра доходила до 96% [30]

Основными источниками средств на эти «Петровы затеи» были резкий рост величины и количества налогов (тут налоги и на рыбную ловлю, на домашние бани и торговые лавки, налоги с соли, со свадеб, с русской одежды, извозчицких хомутов, водопоев, ледаколов, перевозов, речных судов и даже налог на глаза: с чёрных глаз – по 2 алтына, с серых – по 8 денег [31]), а также порча денег – снижение содержания серебра в монетах, выпуск медных денег (русский рубль по покупательной силе снизился почти в 2 раза и вдвое поднялись цены [32]).

Количественное выражение петровских реформ можно оценить следующими цифрами: увеличение налогов на поместных крестьян в 5-6 раз и увеличение расходов на армию в 2,5 раза [14].

Огромные налоги не исчерпывают тяготы подданных Петра I. Народ ещё платил «налог кровью» – поставлял рекрутов. За 15 лет (1699—1714) были взяты в солдаты свыше 330 тыс. рекрут, главным образом крестьян. [33]. На плечи крестьян легли натуральные повинности (поставки продовольствия, леса, подвод) и мобилизации на работы. Крестьян и ремесленных людей посылали на строительство портов, каналов и особенно на строительство Петербурга. Начиная с 1704г. в Петербург ежегодно требовали по 40тыс. человек. Людей посылали со всей России, даже из Сибири. Только в 1718г. прекратили отправлять крестьян на работы в Петербург, ограничив эту повинность крестьянами Петербургской губернии.

От невыносимых поборов, правежа и повинностей крестьяне ударялись в бега. Бежали семьями и целыми селениями. Поначалу многие бежали на Дон, откуда «выдачи нет». Посылка войск для их сыска привела

к Булавинскому восстанию (1707—1709); для его подавления потребовалась 30-тысячная армия. Правительство издавало многочисленные указы о беглых, по жестокости мер наказания далеко превосходившие указы XVII в. Тем не менее даже официальные данные свидетельствуют, что бегство крестьян приняло массовый характер: только за 8 лет в 1719—1727гг. было зарегистрировано почти 200 тыс. беглых крестьян.

Дворян – людей, обязанных в обмен на пользование государственной землёй служить государству – по переписи 1700—1701гг. было около 27 тыс. человек. В 1712 г. вместо прежних названий – дети боярские, служилые люди, – было введено двойное название, русское и польское: дворянство и шляхетство. Указ 1714г., упразднивший различия между вотчиной и поместьем, установил обязательность службы всех дворян и бояр (раньше служить не обязанных). Чтобы стать офицерами, юные шляхтичи должны были до 15 лет учиться в «цыфирных» школах, а затем пройти солдатскую службу. При этом большинство недорослей бежали и прятались от учебы. Пытались уклониться от службы и взрослые дворяне, за что у них отбирались их поместья (за годы Северной войны около 3 тыс. поместий). [20] Таким путем Пётр наводил дисциплину среди дворян.

При этом рядовой из не дворян, дослужившийся до старшего офицерского чина, получал потомственное дворянство. Штатскую службу была приравнена к военной по обязательности для шляхетства (дворянства). Выходец из престолярства, получив чин 14-го ранга (прапорщик или секретарь), становился личным дворянином, т.е. без передачи дворянства детям. Но если он дослуживался до 8-го ранга (майор или коллежский асессор), то он и его дети становились потомственными дворянами.

Людские потери при Петре I

Критики Петровских реформ справедливо пишут, что свои преобразования и завоевания Петр осуществил за счёт подданных. Падение уровня жизни населения при Петре подтверждает уменьшение среднего роста рекрутов. Рекруты, родившиеся в 1700—1704 гг., имели средний рост 164,7 см, родившиеся в 1710-1714 гг. - 163,5 см, родившиеся в 1720-1724 гг. - 162,6 см [28].

Рост или убыль населения является одним из наиболее всеобъемлющих и, одновременно, объективных показателей состояния общества. Оценки этого показателя у разных исследователей существенно отличаются. Согласно П.Н. Милюкову (1896), в России в конце XVII в. жило 16 млн. человек, а к концу царствования Петра (1725) – около 13 млн. [27], т.е. страна потеряла от деятельности Петра около 3 млн. человек. С Милюковым не согласился М.В. Ключков (1911). В книге о подворных переписях 1710 и 1715—1716 гг., он пришел к заключению, что при Петре не было убыли, но прекратился рост населения [8]. Демограф Б.Д. Урланис (1941) оценивает убыль населения страны в период 1700—1722 гг. ориентировочно на 5—6%.

О Петербурге, построенном на костях.

О строительстве Петербурга на костях согнанных мужиков знает чуть ли не каждый любопытный школьник. Город на костях – одна из самых популярных легенд о Петре. Царя обвиняют в том, что он построил города в чухонском болоте, месте с ужасным климатом, что при постройке и заселении Петербурга погубил огромное число людей и, наконец, что жертвы были излишни – ведь для балтийской торговли вполне годились Рига и Ревель (Таллин).

Необходимо отметить, что начало города на Неве – Петропавловскую крепость (1703—1704) – воздвигли до взятия Риги и Ревеля (1710) и до заключения мира со Швецией (1721). В отличие от

Ливонии с городом Ригой, устье Невы, где строился Петербург, исторически принадлежало России – это древняя Ижорская земля, отданная Швеции по Столбовскому миру (1617). В первое десятилетие после основания Петербурга Пётр не был уверен, что сохранит Ливонию при заключении мира со Швецией, но Ижорскую землю он надеялся удержать как древнюю вотчину Московских государей. По существу, у Петра не было другого места для русского города и порта на Балтике.

Устье Невы не было «пустынным болотом». До прихода шведов здесь жили русские и местные финские народы – ижора и водь (чудь). В черте современного Петербурга находилось не менее трех десятков деревень [40].

При этом сырой петербургский климат, безусловно, был одной из причин повышенной смертности строителей из центральных областей России.

Иностранные современники Петра в своих записях приводили очень сильные цифры: 60 тысяч погибших от холода и болезней, 80 тысяч, 100 тысяч, 300 тысяч, многие сотни тысяч ... Заклятые друзья России Адам Мицкевич и Тарас Шевченко всей силой своего таланта и сегодня содрогают читателя описанием людских костей, на которых и стоит город.

Карамзин считал Петербург «блестящей ошибкой» Петра: «Основание новой столицы на северном крае государства, среди зыбей болотных, в местах, осужденных природою на бесплодие и недостаток». По его мнению, Пётр «мог заложить на берегах Невы купеческий город для ввоза и вывоза товаров; но мысль утвердить там пребывание наших государей была, есть и будет вредною». «Сколько людей погибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведения в действие сего намерения?».

Чрезвычайно резко выступил Ключевский: по его словам, «едва ли найдется в военной истории побоище, которое вывело бы из строя больше

бойцов, чем сколько легло рабочих в Петербурге и Кронштадте. Пётр называл новую столицу своим "парадизом"; но она стала великим кладбищем для народа».

Первые не эмоциональные, а основанные на документах оценки потерь появились в середине XIX века, а дискуссия продолжается и по сей день. В зависимости от профессионализма и честности авторов оценки эти колеблются от 2 до 30 тыс. человек, погибших на строительстве Петербурга по 1717г. По некоторым оценкам, средний уровень смертности не превышал смертность мастеровых на Воронежских верфях в те же годы.

Духовная жизнь допетровской России

Рамки настоящего проекта не позволяют хоть с некоторой подробностью остановиться на самом важном – духовном – измерении перелома в жизни нашего народа, а именно церковного раскола XVII в., который во многом предопределил последующие трагические события нашей истории.

Тема раскола для нашего народа и сегодня чрезвычайно важна и животрепещуща. Тема эта требует компетентности и ответственности в оценках, и всё же попробуем отметить некоторые основополагающие причины этого трагического и судьбоносного явления:

– потрясения Смутного времени, когда последнее православное царство – Третий Рим – находилось на краю гибели «...Смута была не только политическим кризисом, и не только социальной катастрофой. Это было ещё и душевное потрясение, или нравственный перелом. В Смуте перерождается сама народная психея. Из Смуты народ выходит изменившимся, встревоженным и очень взволнованным, по-новому впечатлительным, очень недоверчивым, даже подозрительным. Это была недоверчивость от неуверенности. И эта душевная неуверенность или неустойчивость народа была много опаснее всех тех социальных и

экономических трудностей, в которых сразу растерялось правительство первых Романовых...» [22];

– западнорусское («киевское») влияние на «московскую» церковную среду (особенно усилившееся после воссоединения украинских земель с Московским царством), выразившееся прежде всего в главенстве учёности над остальными сторонами церковной жизни, а также в очаровании «сладкогласием» киевского (по сути, итальянского) портесного церковного пения и «сладкозрением» западнорусского церковного убранства, прежде всего, иконописи; упрощенно говоря, московский строго-аскетичный настрой духовной жизни начал вытесняться эмоционально-душевым западнорусским; очарованной новшествами была лишь малая часть элиты, но более всех очарован оказался царь Алексей Михайлович и это предопределило исход дела;

– мощное и изощренное давление «восточных иерархов» (Константинопольского, Иерусалимского, Антиохийского и Александрийского патриархов, а также влиятельных игуменов восточных монастырей) на не слишком искущённого в международных интригах царя Алексея Михайловича с целью сместить геополитический вектор Московского царства на Юго-Запад вплоть до войны с Османской империей (Турцией), под юридической властью которой в то время находились все эти церкви, с конечной целью воцарения русского государя на константинопольском троне и взятием под контроль Святой земли; а для увеличения своей значимости в глазах Алексея Михайловича (что автоматически влекло и увеличение их регулярной денежной поддержки) «восточные иерархи» смогли навязать ему ложное представление об «испорченности» русского церковного обряда и, соответственно, о необходимости его реформирования по греческому образцу;

– особенности характеров главных действующих лиц начала раскола: царя Алексея Михайловича (главный зачинщик раскола, очарованный

константинопольским миражом), патриарха Никона и протопопа Аввакума (главные «двигатели» раскола со стороны нового и старого обряда, люди неистовые, безкомпромиссные и беспощадные).

Собственно причиной раскола послужила церковная реформа, которая касалась практически только обрядовой стороны богослужения (для народа видимой и самой значимой). Для устранения различий с греками следовало прежде всего креститься тремя, а не двумя перстами; писать «Иисус», а не «Исус»; ходить вокруг аналоя и церкви противосолонь – справа налево, а не посолонь – слева направо; совершать литургию на пяти, а не на семи просфорах; в символе веры исключить слово «Истиннаго» из фразы «И в Духа Святаго Господа Истиннаго и Животворящаго»; провозглашать «Аллилуйя» троекратно, а не двукратно. Необходимо подчеркнуть, что отличия русских от греков возникли вовсе не из-за небреженья к обрядам и священным книгам и не в результате нововведений, напротив, русские с величайшей заботой относились к духовному багажу, полученному от греков и не меняли в нем ни буквы. Менялось не русское богослужение, а греческое. Восточные славяне приняли двуперстие во время Крещения Руси в 988г. от православных византийцев, но византийцы (греки), начиная с XII – XIII вв., перешли на троеперстие, русские же остались незыблемы. Точно так же появились остальные отличия; иными словами, Русская церковь XVII в. сохраняла обряды, утраченные Восточными поместными Церквями.

Показательно, что церковный собор 1666/1667 годов, осудивший старое богослужение и предавший анафеме его твердых последователей, и, тем самым, сделавший практически невозможным уврачевание раскола на ближайшие годы, принял эти страшные для будущего страны решения под руководством восточных патриархов Макария Антиохийского и Паисия Александрийского, смещенных впоследствии турецким правительством по настоянию возмущенного их беспринципностью

константинопольского патриарха Парфения. Посредником между этими патриархами и русским правительством был лжемитрополит и тайный агент Ватикана Паисий Лигарид, проклятый и отлученный от церкви патриархом Нектарием Иерусалимским. Ещё один греческий иерарх, митрополит Афанасий Иконийский, находился под следствием за подделку полномочий и после собора был заточен в монастырь. Как пишет историк старообрядчества С.А. Зеньковский: «Таковы были воротилы греческой части собора, которые вызвались судить ... русские обряды» [6]. Всего в соборе участвовало 12 иноземных архиереев и 17 русских, двое из них из Малороссии, «всегда покорной греческой церкви».

И если до собора инициированную царем церковную реформу поддерживали кроме обычных в таких случаях приспособленцев лишь малая доля «интеллектуалов» в правящей элите и церковной иерархии, то после решения собора держаться старого обряда означало поставить себя фактически вне позиции всей церкви, пусть и неправой, но канонично утвержденной.

По разным оценкам в расколе в допетровское время находилось до двух третей населения страны в разных социальных слоях, при этом это была лучшая его часть – думающая, независимая, энергичная, жертвенная.

Объективно оценить урон, который нанёс церковный раскол нашей стране, вряд ли возможно: ведь это не только тысячи сожженных и замученных царскими войсками, не только тысячи добровольно пошедших семьями в «гари» (т.е. пусть и заблуждавшимися относительно «пришедшего времени антихриста», но истово верующих православных христиан, доведённых государевыми людьми до самоубийства), но и мощнейший пласт народа, вырванный из общей жизни русского народа, на столетия ставший изгнанником и вне страны и внутри страны, это и глубинный разлом в душе всего русского народа и явно (в существующем старообрядчестве) и подспудно живущий в нас.

Гонения на раскольников привели к нарастанию в народе жестокости, сравнимой со Смутным временем, хотя даже в Смутное время людей не сжигали живьем. При Алексее Михайловиче, и особенно при Фёдоре Алексеевиче и Софье Алексеевне, Россия по количеству огненных смертей впервые приблизилось к странам Европы. Последующие жестокости Петра, даже казнь 2000 стрельцов, уже не могла удивить ко всему привыкшее население. Изменился самый характер народа: в борьбе с расколом и сопутствующими бунтами погибло много пассионариев (по Льву Гумилёву, наиболее беспокойных, активных и предприимчивых людей), особенно из среды самостоятельного непокорного духовенства, а их место в церквях и монастырях заняли приспособленцы. Многие плохие черты русского народа завязались, а хорошие исчезли именно в конце XVII века. Вспоминаются слова А.И. Солженицына о том, что революция 17-го года [т.е. октябрьская революция 1917 года] была бы невозможна без раскола 17-го века. И ответственность за эту трагедию лежит прежде всего на совести «тишайшего» царя Алексея Михайловича, отца Петра I.

Духовная жизнь России при Петре I

Вероятно, именно воздействие жизни и деятельности Петра I на духовный стержень русского общества следует считать наиболее разрушительным как по глубине, так и по его последствиям.

К наиболее существенным аспектам этого воздействия следует отнести следующие:

- кардинальное изменение отношения государства к церкви, в том числе церковную реформу;
- образ жизни самого Петра I как царя.

Во время своей поездки в Европу в 1697—1698гг. Пётр I увидел, что в протестантских странах церковь подчиняется светской власти. Тогда у Петра сложилось убеждение в необходимости полного подчинения

Русской церкви царю. В 1701г. у монастырей было отняты права управление церковными людьми и землями, печатание духовных книг, руководство духовными школами, а также право распоряжаться монастырскими доходами. Переход монахов из одного монастыря в другой и само пострижение в монахи могло проводиться только с разрешения государственных органов власти.

Протесты московских (русских) иерархов против начавшегося со стороны государства насилия над церковью были жестоко подавлены, следствием чего явилась передача церковной власти в России в руки малороссийских иерархов – по-западному образованных и оторванных от Русской церкви. После смерти в 1700г. патриарха Адриана царь лично назначил патриаршим местоблюстителем митрополита Стефана Яворского (родился в Львовской области 1658г.; обучался в Киево-Могилянской Академии и университетах Львов, Люблина, Познани и Вильнюса; переходил в униатство, затем возвращался в православие; 1700г. замечен Петром благодаря своему образованному красноречию). Следует отметить, что прежде местоблюстителя патриаршего престола выбирал церковный Освященный собор под главенством нескольких архиереев.

Опыт со Стефаном был неудачным – он как оказался противником протестантских реформ Петра. Со временем Пётр нашел другого киевского книжника, преподавателя Киево-Могилянской академии Феофана Прокоповича, в прошлом (?) униата, получившего блестящее католическое образование в Риме, человека энергичного и безпринципного, вследствие чего ставшего главным идеологом Петра по церковным вопросам и первенствующим членом Синода. Прокопович подготовил Петру богословское обоснование церковной реформы.

Пётр безусловно предпочитал образованное и покладистое украинское духовенство московскому, но при этом речь вовсе не шла о проникновении в Россию католицизма: церковь стала частью

государственного аппарата и должна была беспрекословно выполнять указания российского царя, а не Римского папы – именно поэтому иезуиты были изгнаны из Москвы ещё в начале правления Петра I в 1689г. (В этой связи, пожалуй, стоит заметить, что сами по себе религиозные знания никак не делают человека лучше, не приближают его к Богу: перед революцией 1917г. большинство лидеров революционного движения были весьма неплохо в том числе и религиозно образованы (у кровожадного и безпринципного гения революции В.И. Ульянова (Ленина) по Закону Божьему было твёрдое «отлично»), а семинарии наряду с университетами недаром назывались современниками рассадниками революционных идей).

Старообрядцев Пётр не любил, однако он был меньше всего религиозным фанатиком и постоянно нуждался в деньгах, поэтому он прекратил действие принятых царевной Софьей статей, запрещавших старообрядчество и отправлявших на костры упорствующих в старой вере, а в 1716г. издал указ об обложении раскольников двойным налогом.

Полная свобода веры была предоставлена иностранцам-христианам, приезжавшим в Россию. Были разрешены их браки с православными.

С 1717г. Феофан Прокопович под присмотром Петра тайно готовил «Духовный регламент», предусматривающий отмену патриаршества. За образец была взята Швеция, где духовенство полностью подчинено светской власти.

С 1721г. формально церковью стал управлять «Святейший Правительственный Синод» (наименование, придуманное лично Петром). Пётр сумел добиться одобрения отмены патриаршества и замены его на Синод от Восточных патриархов (Константинопольский и Антиохийский патриархи прислали грамоты, приравнивающие Святейший Синод к патриархам). Для наблюдения за течением дел и дисциплиной в Синоде указом Петра был назначен светский чиновник – обер-прокурор Синода, лично докладывающий императору о состоянии дел. Примечательно, что в

первом составе Синода должности президента и двух вице-президентов занимали малороссийские архиереи: президент: Стефан Яворский, вице-президенты Феофан Прокопович и Феодосий Яновский.

Хочется обратить внимание читателя на то, что сегодня в церкви все мы в большей или меньшей степени соприкасаемся с результатами в начале западнорусского (в корне польско-католического), а затем (в существенно меньшей степени) и протестантского переформатирования самобытной русской традиции церковной жизни даже в таких её внешних сторонах, как церковная архитектура, иконопись, церковное пение и даже тексты Житий святых. Процесс этот, плавно начавшийся при Алексее Михайловиче, получил мощнейший толчок и почти необратимость при Петре I и его последователях. При этом в настоящее время:

– в церковной архитектуре лишь относительно небольшая часть из вновь возводимых храмов имеет пропорции и характерные черты русского стиля, столь драгоценные для глаз снаружи и для молитвы внутри храма (общий минимализм, относительно небольшая высота, малое количество узких окон, внутренние колонны и т.д.) – при этом, необходимо заметить, ещё и относительно недорогого при строительстве и самого экономичного по стоимости эксплуатации стиля храмовых зданий; большинство представлено эклектикой, а значительная часть являет собой кальку петровских и постпетровских кирхе-подобных зданий, режущих глаз формой и самых дорогих при строительстве и особенно при последующей эксплуатации;

– в иконописи ситуация наиболее ясная: «канонический» (упрощённо говоря «древний») стиль письма икон не может не найти отзвука в сердцах многих иконописцев и большинства верующих; однако при этом очень большое число пишущихся сегодня икон вновь пишется в живописном стиле (особенно в самых важных для будущего страны – провинциальных – храмах), а значит, как и в синодальное время, голос

этих икон будет обращён только к душевно-чувственной части нашего восприятия;

– в церковном пении ситуация самая печальная: подавляющее большинство из нас сейчас уже не способно естественно (а не как экзотику на 5 минут) воспринимать древнее унисонное знаменное пение, потому что, по словам руководителя ансамбля «Сирин» Андрея Котова, в генетическом коде нашего народа за последние 300 лет заложено гармоническое звучание партеса и партесное звучание является для нас сейчас естественным; партесное же церковное пение в отличие от строгого унисонного не может не отвлекать ум от молитвы в сторону душевно-чувственных ощущений;

– с текстами житий святых ситуация самая неожиданная (для нас, как неспециалистов): по мнению ряда исследователей (например, прот. Олега Стеняева, высказанное им в эфире радио «Радонеж») при составлении Четых-Миней (Житий святых) святителем Димитрием Ростовским, святитель, сокращая Великие Чётые -Миней архиепископа Новгородского Макария и переписывая их в своём изложении, существенно изменил Жития, убрав эпизоды падений и ошибок святых и тем самым облагородив их. Выдающийся российский святитель малороссийского происхождения, получивший великолепное образование в Киево-Могилянской академии, оставляя в Житиях святых только светлые благообразные эпизоды, придавал Житиям возвышенную идеализированную тональность, столь характерную для памятников западного христианства. Именно в таком виде Жития стали существовать в церкви и сегодня только в таком виде присутствуют на службах, в библиотеках и медиа-пространстве (исходные Великие Чётые -Миней архиепископа Новгородского Макария, переведённые с греческого оригинала Жития святых Симеона Метафраста, на сегодняшний день полностью в печатном или электронном виде так и не изданы. [41]). Но, как отмечает прот. Олег

Стеняев, обычному человеку, осознающему свои грехи и немощи, стало трудно видеть в таком возвышенном и идеализированном варианте Житий образец пути исправления своей жизни.

Повторим: приведённые выше особенности внешних сторон церковной жизни начали формироваться до Петра, а при нём лишь многократно ускорились.

Пётр I смотрел на духовенство утилитарно. Ограничив численность монахов, он захотел заставить их эффективнее работать на государство. В 1724г. вышел указ Петра «Объявление», в котором он изложил требования к жизни монахов в монастырях. Простых, неучёных монахов предписывалось занять земледелием и ремёслами (монахинь – рукоделиями); одарённых монахов – учить в монастырских школах и готовить к высшим церковным должностям. При монастырях предписывалось создать богадельни, больницы и воспитательные дома. Все монастырские библиотеки были изъяты. Запрещалось держать в монастырях перо и бумагу (!), запрещалось строительство новых монастырей и принимать новых монахов без ведома императора, а состав монахов предписывалось формировать из вдовых священников и раненных солдат.

Не менее утилитарно царь относился к белому духовенству. В 1722-1725гг. проводит унификацию чинов духовенства. Были определены штаты священников: один на 100 - 150 дворов прихожан. Не нашедших вакантных мест переводили в податное сословие. В Постановлении Синода от 17 мая 1722г. священников обязали (!) нарушать тайну исповеди, если они узнали важные для государства сведения.

Интересное и неожиданное замечание делает наш современник о. Иоанн Экономцев в своей работе «Национально-религиозный идеал и идея империи в Петровскую эпоху (К анализу церковной реформы

Петра I)» при анализе сочинения архимандрита Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей», выделяя в нём три ключевых тезиса:

1) государство обладает верховенством, а потому всякая иная власть (включая церковную) верховенством не обладает и юридически подчиняется государственной власти;

2) верховная государственная власть повинуетя только Богу и никаким человеческим нормам, в том числе и церковным канонам;

3) судьей того, соответствует ли ее решение воле Божией или нет, является сама верховная власть.

О. Иоанн Экономцев отмечает, что все эти три положения по своей сути диаметрально противоположны традиционным воззрениям Руси, которые предполагали, что:

1) взаимоотношение государственной и церковной власти характеризуется симфонией, параллелизмом самобытных по существу и происхождению власти царя и власти патриарха;

2) божественные каноны, являющиеся законом Божиим, требуют безусловного подчинения себе всех христиан, в том числе и царей;

3) судьей того, грешит царь или нет, является духовенство, которому дана власть «вязать и решать».

О. Иоанн Экономцев делает вывод, что цель петровской реформы могла заключаться не столько в подчинении Церкви государству, сколько в абсолютизации государственной власти, её освобождении от всех религиозно-нравственных норм. [25]

В результате реформ Петра церковь, потеряв какую-либо независимость, превратилась в часть государственного аппарата. Из печальницы и заступницы за слабых перед властями церковь была превращена в послушный инструмент обслуживания властей. Была полностью утрачена важнейшая социальная функция церкви – быть свидетелем и голосом нравственного и должного в обществе, быть

нравственным мерилom всех решений и поступков властей. По горькому замечанию современников «церковь была поставлена на колени».

Говоря же о принципиальной важности образа жизни (формата жизни) самого Петра I как русского государя, безусловно нужно иметь в виду совершенно особое место, занимаемое царём в миропонимании русского человека той эпохи. Упрощённо говоря, царь мог быть умным или не очень, сильным или не очень, но он был обязан быть царем «правильным», поскольку именно царь вершил высший земной суд, и должен был олицетворять собой пусть и далёкую, но высшую справедливость и высшее достоинство. Именно власть царя почиталась в православном народе властью богоизбранной.

Рискнём отметить, что Петр вообще никогда не вёл себя именно как царь. Весьма характерно его самопозиционирование в походах, в Великом посольстве, даже во Всешутейшем соборе как некоего бомбардира, или урядника, или дьякона. Ряд исследователей вообще полагают, что Петр Алексеевич не только не хотел становиться государем, но всю жизнь уклонялся от системного управления государством; а вся его управленческая деятельность носила случайный, безсистемный, яростно-конвульсивный характер. При этом умиляться тому, что Петр плотничал, токарничал и т.п. по меньшей мере странно – обязанности государя, да и просто крупного руководителя, много выше и ответственнее.

Чрезвычайно важным для народного восприятия образа государя является его моральный облик. И в этом плане именно Петр открыл череду правителей страны, чей образ жизни вызывал у их российских современников оторопь и стыд, а у иностранных – брезгливое удивление, при том что превзойти Петра в размахе и изощренности открытого нарушения всех писанных и неписанных норм и правил поведения ни один из этих правителей России уже не сумел. Показательно в этой связи подписание Петром I в 1722г. Указа «О наследии престола», которым

отменялся древний обычай передавать монарший престол прямым потомкам по мужской линии и предусматривалось передача верховной власти путём назначения престолонаследника просто по воле царствующего монарха. В любом государстве механизм передачи верховной власти является краеугольным камнем стабильности государства и общества. Пётр решил этот вопрос в духе полного абсолютизма, что привело к безобразнейшей череде дворцовых переворотов в оставшиеся годы XVIII века.

Не хочется перечислять все мерзости, которые творил царь Пётр в своей личной жизни, причём творил подчёркнуто прилюдно и никого не стесняясь, что было особенно разрушительно для сознания его современников во всех слоях общества. Поэтому совершенно не удивительно, что в сознании значительной части православного народа, особенно «оставшегося в старой вере», Пётр I стал царём-«антихристом».

Одним из наиболее одиозных установлений Петра стал «Всеплутейший, сумасброднейший и всепьянейший собор князя Иоанникиты, патриарха Пресбургского, Яузского и всего Кукуя» – своеобразная шутовская «орденская организация», объединявшая его единомышленников, где сам царь играл роль дьякона. Главной чертой «собора» являлось пародирование обрядов католической (собор возглавлялся «князем-папой», которого выбирали «кардиналы») и православной церковью (по мнению некоторых исследователей, он был создан именно с целью дискредитации русской церкви и наряду с «бритьём бород» и т.п. входил в общий ряд разрушения стереотипов старорусской повседневной жизни). «Собор» просуществовал около 30 лет – с начала 1690-х до середины 1720-х годов.

Современник Петра I француз Вильбуа, увидев в «соборе» намерение Петра опорочить церковную иерархию, писал: «Это вытекало из стремления ... государя подорвать влияние старого русского

духовенства ... и самому встать во главе русской церкви, а затем устранить многие прежние обычаи, которые он заменил новыми, более соответствующими его политике ... Признав за «дубинкой» большие педагогические возможности, он не отказывался и от злой, кощунственной шутки, чтобы достичь своих целей». [4]

Методами воздействия «собора» на его участников (а устав «собора» был написан Петром лично) и на современников-зрителей этого действия был стандартный набор мерзостей от пьянства, азартных игр и разврата до идолослужения и богохульства. У всех «соборян» независимо от того, какого они были происхождения и какие посты занимали в реальной жизни (включая и Петра), имелись потешные прозвища и звания, основанные почти всегда на матерной лексике и глумливых ассоциациях.

Как отмечают историки, в данном действе был важен не только унижительный для церкви или развлекательный для приближённых элемент. «Собор» стал механизмом отбора и сплочения наиболее преданных Петру лиц, своеобразным VIP-клубом Петра. Некоторые исследователи полагают, что дикие оргии «собора» позволяли больной психике Петра на время забыть неуверенность и страх, снять стресс, выплеснуть необузданную разрушительную энергию.

Чёрным пятном на Петре лежит дело его сына от первого брака царевича Алексея, бежавшего в 1716г. за границу, откуда Пётр выманил его в Россию, где вопреки обещанию Петра царевич Алексей был схвачен и запытан при допросах или тайно удушен по указанию отца, не желавшего его публичной казни. Недаром в старых народных песнях и других памятниках «антипетровской» направленности Петр осуждается и даже сравнивается с антихристом наряду с богохульством именно из-за коварного убийства своего сына и только затем из-за своего образа жизни, жестокости и т.п.

Ещё и ещё раз следует подчеркнуть, что без трагедии раскола и последовавших за ней снижения уважения к институту церкви и моральной деградации духовенства, Пётр не посмел бы вести столь безобразный образ жизни, не смог бы превратить церковь в одно из подразделений бюрократической машины империи. Опирающаяся на полную поддержку православного населения церковь никогда не допустила бы петровского глумления ни над собой, ни над народной традицией.

О допетровской и петровской вестернизациях

Допетровская вестернизация (здесь – внедрение в общество европейских знаний, технологий, элементов культуры и быта) широко заимствовала у европейцев технологии, особенно в области металлургии и производства оружия, а также знания и навыки, необходимые в организации полков нового строя и других государевых служб. Носителями технологий и умений были «немцы» (от русского слова «немой, т.е. не говорящий по-русски) – западные европейцы, тысячами въезжавшие в Россию. Они оседали в городах, больше всего на Кукуе, и хотя их заставляли жить отдельно, как «поганных», с ними проникал западный миропорядок. Наряду с лютеранами в России жили обрусевшие немцы, принявшие православие. Среди кукуйцев и обрусевших немцев молодой Пётр нашел ближайших друзей и помощников. Русские немцы сыграли важнейшую роль в Петровской реформе.

Кроме потребления «немецких» знаний и умений, Московское государство XVII в. подверглось западнорусскому влиянию в сфере гуманитарной и духовной. Это влияние не отторгалось как иноверное и иноземное, поскольку носителями его были православные люди русского языка, но под православной и западнорусской (малорусской, белорусской) оболочкой сохранялась униатская или католическая польская сущность.

Западнорусское влияние было особенно успешно в сфере гуманитарного образования московской аристократии и среди молодёжи столичного духовенства. Члены царской семьи и бояре полюбили польские моды, читали польские книги и заводили польскую мебель, а книжники спорили, какой должна быть Духовная академия – Эллино-греческой или Славяно-латинской. Россия разворачивалась в сторону Польши (в 80-е гг. XVII в. в Москве начала действовать миссия ордена иезуитов, пользовавшаяся покровительством князя Василия Голицына). В те годы в Тобольске ссыльный монах хорват Юрий Крижанич написал свою знаменитую «Политику» (1663—1666), где есть раздел «О чужебесии». В нем он пишет: «Ксеномания – по-гречески, а по-нашему – чужебесие – это бешеная любовь к чужим вещам и народам, чрезмерное, бешеное доверие к чужеземцам. Эта смертоносная чума (или поветрие) заразила весь наш народ... Все беды, которые мы терпим, проистекают именно из-за того, что мы слишком много общаемся с чужеземцами и слишком много им доверяем» [7]. Крижанич и вообразить не мог, каким станет это чужебесие при Петре I и его последователях.

Приход к власти Петра I резко изменил масштабы и характер вестернизации. Пётр желал извлечь из Европы всё – не просто технологии и умения, но сами способы их получения: европейское образование и науку. Он приглашал в Россию тысячи иноземцев, уравнивал их с русскими и нередко оказывал им предпочтение. Никто теперь не принуждал иностранцев жить отдельно от русских. Указом 1721г. Пётр допустил смешанные браки православных с католиками и протестантами (с условием воспитывать детей в православии). При этом привилегии, данные иноземцам (например, более высокие оклады при равном чине), их начальство над русскими, появившаяся заносчивость вызывали сильное раздражение населения.

По мнению исследователей с «пропетровскими» взглядами, сущность вестернизации Петра и её главное отличие от допетровской вестернизации в том, что Пётр заимствовал из Европы не только технологии и умения, но механизмы научно-технического прогресса – школы, мастерские, училища, гимназии и Академию наук. При этом он заимствовал технологии и знания из протестантских стран – Англии, Голландии, Дании, Пруссии, Швеции. Он также посылал молодежь учиться в католические Францию и Венецию, но не в Речь Посполитую. «Ополячивание» (полонизация) верхних слоев российского общества сменилась германизацией – в 1716 г. вышел указ Петра об обязательном обучении чиновников немецкому языку.

Реформы Петра I, восхваляемые в XVIII в. и начале XIX в., в дальнейшем подверглись критике, продолжающейся по сей день. Основные позиции этой критики в упрощённом виде:

- 1) формы западной жизни мало подходят географии и климату России и характеру русского народа;
- 2) было прервано развитие уникальной русской цивилизации и культуры;
- 3) произошел раскол русского народа на два субэтнуса – дворян и простонародье, различающиеся по культуре, самосознанию и даже по языку, что в конечном итоге привело к гибели династии Романовых и большевистской революции.

Действительно, увлечение Петра внешними атрибутами европейской культуры – немецким платьем, париками, бритьем бород, курением табака, танцами, домами с широкими окнами, рытьём каналов – справедливо высмеиваются как подражательство, неподходящее для российского климата. Узкие окна, длиннополая одежда, шапки и рукавицы, сапоги и валенки лучше соответствуют русской зиме, чем окна-двери, башмаки с чулками, плащи и перчатки. Ведь «на чужой манер хлеб русский не

родится». При этом не стоит забывать, что людьми, одетыми в чужую одежду и живущими по чужим традициям, проще манипулировать по чужим правилам.

Развитие по своему уникальной русской цивилизации и культуры нельзя считать прерванной. Образно говоря, в реку русской цивилизации бросили массу красивых отшлифованных гранитных блоков, думая сделать русло реки прямым и направленным в правильную сторону; однако преодолев эти «красивые оковы» река пусть с новыми извилинами и порогами вновь течёт сообразно рельефу. Если же подытожить результаты государственной деятельности Романовых от царя Михаила Федоровича до Петра I, то становится очевидной общая преемственность целей их внутренней и внешней политики. Внутри страны это было укрепление самодержавия, падение роли местного самоуправления и выборных представительств, полное и безоговорочное прикрепление большинства крестьян к земле, централизация и бюрократизация аппарата управления, создание с помощью европейских специалистов современной промышленности, армии и флота. Во внешней политике Алексей Михайлович и Пётр I вернули земли, захваченные Речью Посполитой и Швецией в Смутное время, и выбили эти государства из разряда сверхдержав. Им удалось частично или полностью выполнить задачи, поставленные ещё Иваном Грозным: вернуть часть западнорусских земель и обеспечить выход к морю в Ливонии, продолжить мощное движение на восток. Пётр отличался от предшественников не программой действий, а методами её исполнения. Об этом хорошо написал В.О. Ключевский в своём «Курсе русской истории»: «Самая программа Петра была вся начертана людьми XVII в.». По мнению выдающегося российского учёного и мыслителя XX века Л.Н. Гумилёва, легенда о Петре как царе-преобразователе, прорубившем окно в Европу и открывшем Россию влиянию единственно ценной западной культуры,

была придумана политтехнологами XVIII века по заказу воцарившейся немки Екатерины II.

А вот историческая значимость раскола русского народа на два субэтнуса – тема действительно чрезвычайно важная для осознания каждым из нас.

Начало разделения русского народа произошло в XVII веке, когда «Уложение» царя Алексея Михайловича 1649 г. окончательно закрепило поместных крестьян, оказавшихся в полной власти землевладельцев, а за расколом социальным последовал самый страшный – религиозный раскол 1667 г.

При Петре же начался и культурный раскол, когда дворяне и остальной народ стали различаться по культуре, самосознанию, системе ценностей, бытовым привычкам и даже по языку.

Окончательно разделение было закреплено с воцарением Екатерины II в Манифесте 18 февраля 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» и в 1785 г. «Грамотой на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства». Дворянство приобрело несколько исключительных выгод, которые сформировали совершенно особое сословие:

1) Потомственное дворянство сложилось как особый класс, отделенный от остальных служилых людей, и даже от службы вообще. Дворяне имеют привилегии независимо от того, служат они государству или нет.

2) Дворяне получают право свободно распоряжаться своими земельными владениями, и тоже независимо от того, служат они или нет.

3) Кроме того, дворяне получают:

– право продавать крестьян без земли, то есть фактическое превращение их в рабов дворянства;

– расширение судебной и полицейской власти над крепостными, почти равной власти государства, вплоть до права ссылать и отправлять их на каторгу;

– получение дешевого государственного кредита, который держит на плаву помещичьи владения независимо от их реальной доходности.

Именно в этом по мнению выдающегося русского мыслителя XX века И.Л. Солоневича, автора глубокой и яркой работы «Народная монархия», проявляется главное преступление Петра: даже не разорение страны, а то, что он расчистил путь для захвата власти дворянством. «Уже на другой день после смерти Петра дворянство устанавливает свою полную собственную диктатуру. На престол, вопреки и закону, и традиции, возводится вчерашняя девка, которая, конечно, ничем править не может и ничем не правит. Ее спаивают, и за неё управляет дворянство». Военный дворянский слой сел на шею людям страны: «подчинил себе Церковь, согнул в бараний рог купечество, поработил крестьянство и сам отказался от ... тягот и обязанностей. Дворянство зажило во всю свою сласть».

И прежде всего именно разделением русского народа на два субэтноса можно объяснить невиданное доселе в России измывательство помещиков над своими крепостными в XVIII – XIX веках (по эмоциональному замечанию современника «крестьянскую Россию 150 лет поколение за поколением насиловали и пороли»). Этот трагический период истории нанёс нашему народу серьёзнейшие психо-социальные раны, следствием которых были не только все трагедии России XX века, но и многие нынешние системные проблемы нашей страны.

Очень важно отметить, что дворянство, паразитируя на своём исключительном положении, всячески стремилось его сохранить, что затормозило социальное и экономическое развитие нашей страны на те же ~100 - 150 лет. Отсюда вытекает на первый взгляд парадоксальный вывод:

даже с точки зрения только экономики Пётр своим правлением, «поставив Россию на дыбы», не ускорил, а затормозил развитие страны. Это замечательно сформулировал Ф.М. Достоевский в своём «Дневнике писателя»: «Ускорять же искусственно необходимые и постоянные исторические моменты жизни народной никак невозможно. Мы видели пример на себе, и он до сих пор продолжается: еще два века тому назад хотели поспешить и всё подогнать, а вместо того и застряли ...»

Ещё один несколько неожиданный и важный для сегодняшнего дня тезис: российская интеллигенция как феномен обязана своими качествами и самим своим появлением в XIX веке описываемому разделённому состоянию нашего народа. Именно эта разделённость, раздвоенность нашего народа придали возникшей интеллигенции – социальной группе, вышедшей из порабощенной части народа, но не вошедшего в управляющую его часть – её характерные и по сей день черты:

- ощущение себя социальной группой, принципиально отдельной от народной массы – отсюда высокомерное, а временами и высокомерно-мессианское отношение к простому народу;

- вечно оппозиционное, и нередко при этом одновременно заискивающее отношение к власти;

- оторванность от почвы, социальных корней.

Интересные рассуждения на эту тему приведены в книге нашего современника А.М. Буровского «Вся правда о Русских: два народа» (у этого автора немало более, чем странных творений, но в данном случае речь только об этой книге).

Русский историк и философ XIX - XX веков Г.П. Федотов в статье «Трагедия интеллигенции» очень точно сформулировал два связанных между собой и исчерпывающих определения сущности русской интеллигенции: «идейность и беспочвенность [а именно:] отрыв от

национальной религии, культуры и быта, от государства и вообще от всех органически выросших социальных и духовных образований».

Такие чисто интеллигентские черты отрыва от реальности, к великому сожалению, можно найти у некоторых российских послепетровских императоров, а «первым интеллигентом придется признать Петра I». [2]

А ведь наличие в нашей стране такой социальной группы с такими свойствами явилось одной из существенных (а рискнём предположить, что и одной из главных) причин февральской революции 1917г. в России, а значит и всей последующей трагедии нашей страны. И не только нашей страны. Рискнём также высказать убеждённое предположение в том, что без февраля 1917г. в России иным было бы и окончание Первой мировой войны, и послевоенная Германия не была бы так алчно (или хитроумно) сдавлена державами-победительницами в условиях послевоенного устройства Европы (не позволил бы государь Николай Александрович), а значит и Второй мировой войны могло бы не быть в её изуверском виде или просто могло бы не быть. Впрочем, история не знает сослагательного наклонения.

Как было показано выше, общие цели внешней и внутренней политики Петра или совпадали или были продолжением целей его отца царя Алексея Михайловича и предыдущих государей. Отличным (и наиболее разрушительным) в деятельности Петра I были методы достижения этих целей, то, какие задачи Петр для этого ставил и как добивался их решения. Здесь можно видеть с одной стороны полную вседозволенность, абсолютизм во всём, т.е. полное равнодушие к религиозным канонам, к семейным нормам и народным обычаям, полное презрение к человеческой жизни, а с другой стороны поразительное по количеству нагромождение бессистемных, бессмысленных указов и распоряжений (чего стоят, например, указ о запрете уборки хлеба серпами,

но только косами или указ о запрете изготовления ножей с острыми носами). Безумное правление и не только в переносном смысле этого слова. Рискнём согласиться с исследователями, объясняющими многие поступки Петра прежде всего его психическими отклонениями. Согласно классификации великого российского психиатра XIX - XX веков П.Б. Ганнушкина, психические проявления Петра можно характеризовать сочетанием эпилептоидного и паранойяльного психотипов, с преобладанием эпилептоидных черт. Как писал Ганнушкин, эпилептоиды «очень нетерпеливы, крайне нетерпимы к мнению окружающих и совершенно не выносят противоречий». Им свойственно «большое себялюбие и эгоизм, чрезвычайная требовательность и нежелание считаться с чьими бы то ни было интересами, кроме своих собственных». Эпилептоиды склонны выступать в роли благодетелей человечества. Они «любят порядок; эти люди человечество в рай будут гнать насильно, они любят всё человечество, а не каждого человека в отдельности; под их контролем находится буквально всё. Кстати, многие создатели великих империй (Юлий Цезарь, Александр Македонский, Наполеон) были либо эпилептоидами, либо эпилептиками. Психически же адекватный руководитель всегда ограничен в своих решениях и образе жизни религиозной традицией, мнением своих сподвижников, «мнением народным», историей своей семьи, историей своей страны и ответственностью за её настоящее и будущее.

В этой связи представляется очень важным подчеркнуть, что хвалебный миф о Петре I в советское время эффективно использовался И.В. Сталиным (фильм «Пётр Первый», пьесы, и т.д. – подробный разбор в [17]). Этим мифом населению страны внушались важные для Сталина тезисы о том, что великие жертвы оправдываются великими целями (вспомним «лес рубят – щепки летят»), в том числе даже жертвы близких (в фильме «Пётр Первый» очень сильно подан зрителю приказ Петра

«кончать» своего сына-предателя); что руководитель всегда знает, что приказывает, и поэтому руководителю следует подчиняться всегда и беспрекословно, какие бы приказы он не отдавал, и т.п.).

Последний тезис сегодня требует серьёзного переосмысления. Беспрекословное и бессмысленное подчинение очень удобно для безответственных руководителей. Известную фразу, приписываемую Петру I, (хотя Пётр её и не произносил) «Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство» подобные руководители даже любят вроде бы в шутку помещать на виду у своих подчиненных. При этом такой руководитель, культивируя вокруг себя безропотно слушающихся его подчиненных, сам себя вводит в управленческую ловушку «болотного» типа – никто не сопротивляется, но и опереться не на кого. Следовательно, рассматриваемый аспект «петровского» мифа не только безнравственен, но и системно вреден, а может быть и критично опасен для жизнеспособности и небольшого коллектива и общества в целом, поскольку в сегодняшнем очень «быстром» мире исправить управленческую ошибку можно не успеть, поэтому управление людьми обязательно должно быть продуманным и ответственным, а исполнение распоряжений – осмысленным.

Предварительные итоги

Как показывает даже фрагментарный анализ незначительного количества источников, и «пропетровские» и «антипетровские» мифы однобоки, а зачастую даже были созданы по заказу разных групп политической элиты для решения своих текущих политических задач.

Личность и деятельность Петра I действительно оказали очень значительное влияние на судьбу нашей страны, но, как правило, не в тех областях, о которых повествуют та и другая группы мифов.

При этом наиболее важный и судьбоносный фактор, определивший жизнь России уже после преодоления Смуты – церковный раскол 1667г. – практически не осознаётся в массовом сознании наших современников и не учитывается в должной мере большинством исследователей.

Чтобы после прочитанного не поддаться грусти и унынию, хочется процитировать А.С. Пушкина: «Я далек от восхищения всем, что я вижу вокруг себя; как писатель, я огорчён, как человек с предрассудками, я оскорблён; но клянусь вам честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество, ни иметь другой истории, чем история наших предков, как её послал нам Бог» [16].

Своеобразной иллюстрацией приведённых выводов можно считать результаты небольшого опроса, проведённого среди небольшой группы наших современников.

В опросе приняли участие 37 человек. Возрастной диапазон опрошиваемых составил от 15 до 75 лет; при этом число опрошиваемых в возрастной группе от 15 до 20 лет составило 32 человека (87%), большинство из них является учащимися Свято-Димитриевского училища сестёр милосердия. Все опрошиваемые в возрастной группе свыше 20 лет имеют или получают высшее образование.

Вопросы к опрошиваемым были сформулированы в следующем виде:

- 1) Назовите любых трех русских царей/императоров
- 2) Каково было влияние деятельности и личности Петра I на дальнейшую историю России?
  - а) исключительно положительно

- б) скорее положительно
- в) скорее отрицательно
- г) крайне отрицательно
- д) другая оценка

3) Хотели бы Вы, чтобы руководители нашего государства использовали в управлении страной «петровские» методы?

- а) да, безусловно
- б) только некоторые
- в) никогда
- г) другой вариант

Результаты опроса представлены в таблице 1.

По результатам опроса можно сделать следующие выводы и замечания:

– Пётр I является одним из известных русских царей/императоров, при этом в ответах опрашиваемых высокая известность Петра никогда не была связана с одобрением его деятельности;

– в разделе отношения к деятельности Петра I процент полного одобрения невысок, значительное большинство опрашиваемых считает его деятельность умеренно положительной, при этом большинство выбравших пункт «другая оценка» сделали уточнения, общий смысл которых можно рассматривать как частично положительную оценку деятельности Петра; полное неприятие деятельности Петра отсутствует;

– в разделе оценки возможности использования руководителями нашего государства в настоящее время методов управления Петра I подавляющее большинство считает возможным использовать некоторые из этих методов; полное приятие «петровских» методов отсутствует, полное неприятие – незначительно.

Таблица 1

Содержание ответа опрашиваемых	Общее количество ответов	В процентном отношении к общему числу опрашиваемых
Назвали Петра I в числе любых трех русских царей/императоров (в том числе на первом месте списка)	21 (11)	57 % (29 %)
Влияние деятельности и личности Петра I на дальнейшую историю России:		
а) исключительно положительно	3	8,1 %
б) скорее положительно	22	59,5 %
в) скорее отрицательно	4	10,8 %
г) крайне отрицательно	0	0 %
д) другая оценка	8	21,6 %
Хотели бы Вы, чтобы руководители нашего государства использовали в управлении страной «петровские» методы		
а) да, безусловно	0	0 %
б) только некоторые	32	86,5 %
в) никогда	2	5,4 %
г) другой вариант	3	8,1 %

Общее заключение

1) Пётр I оказал действительно очень большое влияние на судьбу России, при этом причины этого влияния и сама оценка этого влияния значительно мифологизированы либо «пропетровскими», либо «антипетровскими» мифами.

2) Общие цели и направления реформ Петра I и во внешней и во внутренней политике не были новыми: они соответствовали целям и направлениям реформ страны при его отце царе Алексее Михайловиче, а некоторые цели были сформулированы ещё при Иоанне IV Грозном.

3) Резко негативными, в том числе для будущего современной России, следует считать методы, которыми Пётр добивался поставленных целей, а также образ жизни самого Петра как государя Российского. И то и другое можно характеризовать как ничем не сдерживаемый абсолютизм во всём. Именно Пётр открыл череду правителей России, чей образ жизни вызывал у их российских современников оторопь и стыд, а у иностранных – брезгливое удивление. Поэтому в сознании значительной части православного народа Пётр I стал царём-«антихристом».

4) Необходимость создания Петром новой армии, флота, промышленности в том формате, в котором они были созданы, более чем дискуссионна, поскольку содержание такой армии вело общество к надрыву его возможностей; флот строился лихорадочно и вскоре после смерти Петра просто сгнил, поэтому через полвека после смерти Петра пришлось воссоздавать новый российский флот; промышленность развивалась практически только под мощным государственным давлением и была малоэффективной.

5) Разрушительные последствия для страны имела церковная реформа Петра I. Очевидной целью реформы было подчинение церкви государству, неочевидной целью реформы было уничтожение возможности церкви канонически и нравственно влиять на верховную власть государя (Петра) и власть вообще.

6) Необходимо особо подчеркнуть, что и церковная реформа и прочие разрушающие российское общество деяния Петра стали возможны только благодаря произошедшему в XVII веке при «тишайшем» царе Алексее Михайловиче церковному расколу. Именно церковный раскол стал самым страшным после преодоления Смутного времени потрясением для русского общества, последствием которого были и безобразия петровского и послепетровского периода, и катастрофы XX века.

7) В правление Петра произошёл раскол русского народа на два субэтнуса – дворян и простонародье, в чём была одна из причин невиданного измывательства помещиков над своими крепостными в XVIII – XIX веках («крестьянскую Россию 150 лет поколение за поколением насиловали и пороли»). Следствием этих психо-социальных ран стали не только все трагедии России XX века, но и многие нынешние системные проблемы нашей страны. Дворянство, паразитируя на своём исключительном положении, всячески стремилось его сохранить, что затормозило социальное и экономическое развитие нашей страны на ~100 - 150 лет. Отсюда вытекает парадоксальный вывод: Пётр своим правлением, «поставив Россию на дыбы», не ускорил, а затормозил развитие страны.

8) Российская интеллигенция, как социальный феномен, появилась и обрела свои негативные качества (высокомерно-мессианское отношение к народу, вечная оппозиционность к власти и одновременное заискивание перед ней, полная оторванность от социальных корней) именно благодаря разделённому состоянию нашего народа.

9) «Пропетровские» мифы активно создавались и сохранялись всеми властями России (включая и советский период) в том числе и потому, что в этих мифах воспроизводилась деструктивная модель взаимоотношений руководителя и подчинённого: беспрекословное и бессмысленное подчинение любому распоряжению руководителя. Этот тезис удобен безответственному руководителю, но он не только безнравственен, но и системно вреден и даже опасен для жизнеспособности и небольшого коллектива и общества в целом.

10) Результаты небольшого опроса наших современников показывают, что наши знания о России времён правления Петра I и наше понимание роли Петра в истории нашей страны в значительной мере

определяются старыми и новыми мифами о Петре, а не историческими исследованиями и оценками (пусть зачастую и противоречивыми).

11) Вероятно, характеристика деятельности Петра как «в целом негативная» и даже «разрушительная» является наиболее адекватной, несмотря на официально принятую в нашей стране, в том числе и в настоящее время, позитивную оценку. При этом деятельность Петра I нанесла огромный вред России не из-за общего направления реформ страны, а из-за методов которыми Пётр добивался поставленных целей, а также из-за образа жизни самого Петра как Российского государя.

учащаяся 1 курса
Свято-Димитриевского
училища сестёр милосердия
Чурилова Антонина

Библиография

- 1 Богословский П.А. «О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном» СПб, Тип. Мор. Мин..., 1859, С.83.
- 2 Буровский А.М. Вся правда о Русских: два народа. М.: ЭКСМО, 2009.
- 3 Буровский А.М. Пётр Первый. Проклятый император. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С.110-112; Мединский В.». О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: Олма Медиа Групп, 2008. С.61.
- 4 Ермаков А.Л. 17-й век. Как золушка стала королевой. Допетровье: Фёдор, Софья, Нарышкины // Ирпенская буквица, Урлапис Б.Ц. Рост населения в Европе.... С.190; Водарский Я.Л. Население России за 400 лет (XVI-начало XX вв). М., 1973. С.26; Vacci M. The population of Europe: a history. Oxford: Black Publ. Ltd., 2000, p.8; The European State Finance Database // <http://esfdb.websites.bta.com/Database.aspx>.
- 5 Захаров В.Л. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996. С.234, 238; Кафенгауз Б., Павленко Н.И. (ред.) Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в. М: Изд-во АН СССР, 1954. С.92-102; Мартынов М.Н. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск, 1948. С.25.
- 6 Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. М., 1995.
- 7 Крижанич Ю. Политика. М.: Новый свет, 1997.

8 Ключков М.В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т.1. СПб., 1911. С.422.

9 Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах, тт. 3—5. М.: Мысль, 1987—1989.

10 Милюков П.Н. «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого.» Изд. второе. СПб., 1905. С.47.

11 Миронов Б.Л. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.). В двух томах. 3-е исправл. издание. Т.1 СПб.: Дм. Буланин, 2003. С.20.

12 Нефёдов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург. Изд. УТГУ, 2005. С.104, табл. 3.1.

13 Нефёдов С.А. Демографически-структурный анализ... С. 106—112.

14 Нефёдов С.Л. Демографически-структурный анализ... С.142.

15 Новосельский А.Л., Устюгов Н.В. (ред.) Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М, 1955. С. 148-149.

16 Пушкин А.С. Письмо к Чаадаеву П.Я., 19 октября 1836г. // Пушкин А.С. ПСС в 10 т. Л., Наука. 1977-1979. Т.10. Письма, с.689.

17 Резников К.Ю. «Мифы и факты русской истории от лихолетья смуты до империи Петра», ООО «Издательство «Вече», 2016

18 Соболевский Л.И. Образованность Московской Руси XV – XVII вв. СПб., 1892; Он же. Славяно-русская палеография. 2-е изд. СПб., 1908, с. 6-11.

19 Солоневич И.Л. Народная монархия, РИМИС, 2005

20 Тихонов Ю. Л. Помещичьи крестьяне в России. М., 1974. С.61.

21 Урланис Б.Д. Рост населения в Европе (Опыт исчисления). М.: Огиз-Госполитиздат, 1941. С. 183.

22 Флоровский Г. Пути русского богословия. Минск, Изд-во Белорусского экзархата, 2006г.

23 Чернов А.З. «Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв. М.:Воениздат, 1954. С.189, 196.

24 Андреев И.Л. Всешутейший, всепьянейший... //Знание-Сила, № 2, 2002

25 Архимандрит Иоанн (Экономцев) Национально-религиозный идеал и идея империи в Петровскую эпоху (К анализу церковной реформы Петра I) //Антология «Петр Великий: PRO ET CONTRA. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей» Изд. Русского Христианского гуманитарного института. СПб, 2003г., с.593.

26 Копанев А.И. «Население Русского государства в XVI в. //Исторические записки. Т.64. 1959. С.237-244.

27 Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб.: Ж. ред. «Мир Божий», 1896. С. 24.

- 28 Миронов Б.Л. Бремя величия//Родина. 2001, № 9. Табл. 1.
- 29 Нефёдов С.А. Первые шаги российской модернизации: реформы середины XVII века //Вопросы истории. 2004, №4, С.33-52.
- 30 Очерки истории СССР. Т.7. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII века. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С.383.
- 31 Очерки истории СССР. Т.7. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII века. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С.384.
- 32 Очерки истории СССР. Т.7. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII века. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С.387.
- 33 Очерки истории СССР. Т.7. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII века. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С.164.
- 34 Памятники русского права. Вып. 4. М., 1956. С. 586—587.
- 35 Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1876. Июнь. Глава вторая. IV. Утопическое понимание истории. // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. СПб.: Наука, 1994. Т. 13. С. 206—211.
- 36 Карамзин Н.М.. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991
- 37 Крекшин П.Н. История Петра Великого. Рукопись. Сер. 18 века. Государственный Исторический музей.

38 Ломоносов М.В. Ода на день тезоименитства великого князя Петра Феодоровича 1743 года // М.В. Ломоносов. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 96—99.

39 Утопический социализм: Хрестоматия / Общ. Ред. А.И. Володина. – М.: Политиздат, 1982, с. 374-375.

40 Шонбек А. Географический чертеж Ижорской земли. Ок. 1705
[Электронный ресурс] URL:
<http://www.aroundspb.ru/maps/shonback/shonback.php>
(Дата обращения: 27.03.2018)

41 Великие_Четьи-Минеи [Электронный ресурс] URL:
<https://ru.wikipedia.org/wiki/> (Дата обращения 12.04.2018)

42 Соборное_уложение_1649_года [Электронный ресурс] URL:
<https://ru.wikipedia.org/wiki/> (Дата обращения 25.03.2018)